

Глава V. Терроризм правительства

Марселино и Грегорио были известны в Сарагосе, но Буэнавентура впервые ступал на арагонские земли. Они прибыли на место рано и поэтому решили идти не к Иносенсьо Пина — одному из группы «Справедливые» в Сарагосе, — а в здание, где размещались профсоюзы, на улице Агустин. Поднявшись на второй этаж и шагнув за порог, Буэнавентура увидел абсолютно другой мир — совсем не такой, который он привык видеть. Помещение профсоюза в Сан-Себастьяне было очень маленьким, в то время как Центр социальных исследований в Хихоне, руководимый Кинтанильей, был практически неизвестен Дуррути⁹⁶. Впервые Буэнавентура находился в просторном помещении, приспособленном для профсоюзных мероприятий. В Центре социальных исследований Сарагосы имели место все виды деятельности, включая интеллектуальную. В комнатах висели различные таблички с указаниями: «Продовольствие», «Металлургия», «Электричество», «Освещение и газ», «Официанты» и т.д. Очень полная библиотека и совсем близко — помещение газеты *El Comunista* — орган Центра социальных исследований, представитель рабочих профсоюзов региона и защитник международного пролетариата. Рядом с *El Comunista* располагалось помещение *Cultura y Acción*, — органа профсоюзов НКТ в регионе.

Когда трое парней прибыли на место, в Центре находились только его президент Сантолария, директор газеты Зенон Канудо и консьерж⁹⁷. Грегорио, который был знаком с присутствующими, представил Марселино и Буэнавентуру (как сказал, товарища из Астурии). Канудо и Сантолария заговорили об Аскасо (молодом активисте, в ту пору незнакомом Дуррути): с декабря 1920 года он находился в тюрьме *Predicadores* («Предикадорес»), ожидая неизбежного смертного приговора; его обвиняли в убийстве главного редактора газеты *El Heraldo de Aragón*⁹⁸. В ходе беседы, прибывших наконец проинформировали о положении вещей в Сарагосе⁹⁹. Когда разговор уже подходил к концу, вошёл Хосе Чуэка, редактор *El Comunista*, который, нервничая, поведал о необычайном факте: в Сан-Себастьяне раскрыли заговор против Альфонсо XIII; все говорили, что предположительно виновниками были три парня-анархисты; когда Чуэка назвал их имена, (присутствовавших, с которыми он не был знаком), все рассмеялись. Такая реакция разозлила редактора: — он даже и не думал о совпадении. Сантолария, перед уходом, посоветовал троим друзьям «лучше избегать повторных визитов в Центр, который наверняка находится, или вскоре будет находиться под наблюдением полиции».

К вечеру, Буэнавентура и его друзья встретились с Иносенсьо Пиной. В его доме за пределами города побеседовали с Торресом Эскартином¹⁰⁰. Им подробно рассказали о положении некоторых активистов. В тюрьме были: Мануэль Санчо, Клементе Мангадо и Альбадетреку, обвиняемые в покушении на жизнь Иларио Бернала, директора компании *Química S.A.*, фактически — руководителя буржуазии в Сарагосе¹⁰¹; и также находился в

заклучении Франсиско Аскасо, под угрозой смертного приговора. Все четверо входили в группу, создавшуюся после объединения “Voluntad” («Воля») и “Los Justicieros” («Справедливые»).

“ «Чтобы избежать смертных приговоров или тюремных заключений, необходимо, — говорил Пина, — оказать сопротивление буржуазии и властям, мобилизуя общественное мнение, в частности, рабочих. Для проведения всей этой работы, группа располагает только двумя активистами (Пина и Эскартин); два человека — недостаточно для такой задачи. Вам теперь решать, — сказал он в заключении, — что лучше в этой ситуации: продолжить ваш путь или остаться в Сарагосе»».

“ «На самом деле — пишет Мангадо, комментируя это событие, — Буэнавентура и его друзья уже приняли решение, так как оставлять друзей не в наших правилах. С этого момента, «парень из Астурии», как называли Дуррути первое время в Сарагосе, и его друзья вошли в состав передовой борьбы в этом городе»¹⁰².

Буржуазия, посредством замаскированных увольнений на предприятиях, мстила за те уступки, на которые была вынуждена пойти после забастовок секции «Освещение и Газ», а также «Официанты» и «Трамваи», в прошлом году¹⁰³. Приводя в качестве аргумента экономический кризис, работодатели сокращали число штатов и проводили систематические преследования при поддержке графа Коэльо и Португаль, губернатора провинции, и также кардинала Сольдевиллы. При таких обстоятельствах, трём беженцам было очень трудно найти работу; хотя Буэнавентура, благодаря мастерству в своей профессии, быстро устроился в механические мастерские Escoriaza, то Пине пришлось поддержать двух других, нанимая их в свой скромный ларёк по продаже овощей и фруктов.

В те времена Сарагоса, несмотря ни на что, переживала социальную передышку, во время которой рабочие и буржуазия реорганизовывали свои ряды. Силы пролетариата, несмотря на репрессии, пережитые за весь 1920 год, были мощными. Профсоюзы действовали в нормальном режиме и даже увеличили число своих членов. Рабочая пресса, хотя и терпела преследования и ножницы цензуры, но всё же выходила в свет. Жизнь, казалось, текла размеренно, за исключением растущей забастовки. Это кажущееся и поверхностное спокойствие Сарагосы резко отличалось от открытой борьбы в Барселоне, где Мартинес Анидо, гражданский губернатор каталонской провинции, руководил широкой операцией систематических убийств. Профсоюзы работали в подполье, активисты были брошены в тюрьмы (среди них, Анхель Пестанья, только что вернувшийся из поездки в СССР), и т.д. Молодёжь, организованная в анархистских группах, руководила подпольными профсоюзами и организациями НКТ и боролась с полицией. «Чистки» вынудили провести преждевременное продвижение некоторых активистов, ещё не имевших должного опыта. Когда, в марте 1921 года, Национальный комитет был арестован, возникла необходимость срочно создать новый руководящий орган, члены которого были либо ненадёжными, либо недавно вступившими в НКТ, как, например, Андреу Нин, состоявший в рядах НКТ всего лишь два года. У Эухенио Боалю, Генерального секретаря НКТ, во время его ареста,

находился отчёт Анхеля Пестаньи, переданный из тюремных застенков, в котором он докладывал о его действиях и впечатлениях на III Съезде Коминтерна, прошедшем в Москве, в августе 1920 года. Пестанья указывал в документе, что «по различным причинам, и особенно в силу так называемых 21 условия¹⁰⁴, НКТ было необходимо провести пересмотр своего вступления в III Интернационал; такое решение было принято под наплывом энтузиазма в 1919 году». Боаль не успел передать отчёт профсоюзам. Таким образом, документ был в руках у нового руководства во главе с Нином; его передачу членам организации задержали, дословно трактуя Устав Конфедерации. Они сочли правильным, что профсоюзам не надлежало изменять решения съезда и что, до проведения очередного съезда, соглашения 1919 года оставались в силе. Новая команда и её пробольшевицкие трактовки, интриги, связанные с этим вопросом, и трудности момента, причинённые репрессиями, тормозили продвижение НКТ вперёд.

В то время, в Сарагосе всё внимание было сосредоточено на необходимости наладить работу Федерации анархистов на Иберийском полуострове. Для этой цели на конференцию съехались местные анархистские группы («Свободный путь», «Коммунист», «Справедливые», «Воля» и «Импульс»). На этом собрании было решено направить делегацию в южную, центральную и восточную области страны, с тем, чтобы сравнить имеющиеся мнения и разработать проект. Буэнавентура Дуррути, ответственный за эту работу, в феврале 1921 года выехал из Сарагосы в сопровождении Хульяны Лопес, также делегированной для этой цели, в Андалузию. Впервые наш герой брался за такую ответственную работу. В Андалузии ему удалось убедить активистов создать пробные солидарные договоры среди различных группировок в каждой местности; комитет анархистских отношений должен был координировать все действия в регионе¹⁰⁵. Из Андалузии Дуррути выехал в Мадрид. В этом городе его ждали коекакие неожиданности. За день до его приезда, 8 марта, неизвестные в мотоцикле с коляской, на Paseo de Independencia открыли огонь по автомобилю Эдуардо Дато, который тут же скончался. Повсюду говорили, что виновники не смогли бежать из Мадрида, — и полиция ввела в столице военное положение с оцеплением целых кварталов¹⁰⁶. В создавшейся ситуации представлялось рискованным устанавливать контакты с мадридскими анархистами, поэтому Буэнавентура и Хульяна немедленно покинули сцену. Прибыв в Барселону, они узнали о том, что правительство глубоко шокировано смертью Дато и что оно направило своего эмиссара к Мартинесу Анидо с приказом прекратить преследование синдикалистов¹⁰⁷. Первая беседа Буэнавентуры с Доминго Аскасо прошла в таверне, где тот имел обыкновение обедать; разговор шёл о покушении и его последствиях, а также об Анидо и преследованиях. Оба пришли к выводу, что губернатор Барселоны был человеком, не боявшимся правительства страны. Беседа продолжилась в одном из домов рабочего квартала Пуэбло Нуэво. Дуррути информировали о закрытии всех профсоюзных организаций и тюремном заключении самых выдающихся членов (Сеги, Пестанья, Боаль, Пейро и др.), как и десятков других, менее известных активистов. «Пистолерос» действовали заодно с полицией и носили с собой для опознавания голубой членский билет. Они располагались у дверей фабрик, для устрашения или захвата профсоюзных делегатов, согласно желанию предпринимателей. К тому же, «пистолерос» помогали осведомители. Некоторые из шпионов когда-то входили в ряды Конфедерации, но пошли на уступку перед выбором, исходившим от полицейских: предавать или умереть. «Перед лицом этой внутренней и внешней опасности, анархисты сомкнули свои ряды, отстраняя сомневающихся и посвящая себя таким ярким акциям, как

покушение на Дато, настоящего зачинщика тактики Мартинеса Анидо. За этой акцией последовали другие¹⁰⁸. Аскасо указал, что предложение Дуррути в тот момент было неисполнимым, так как они не могли отклониться от намеченной цели. И добавил:

“ «Передай всё это товарищам из Сарагосы, и предупреди их тоже, что некоторые наиболее известные “пистолерос” обычно скрываются в Сарагосе, наверняка с намерением расширения своих акций на территории этого города»¹⁰⁹.

Вернувшись в Сарагосу, Буэнавентура подвёл итог своей поездки. Кое-где подозрительность усложняло дело. Но в основном, большая часть организаций выразила согласие установить длительные договоренности, что означало сделать первый шаг к созданию Федерации анархистов на Иберийском полуострове. Тотчас же группы из Сарагосы принялись за дело: группе “Via Libre” («Свободный путь») было поручено организовать Национальную конференцию, и пока шёл процесс созыва, его печатное издание должно было действовать как трибуна для обсуждения проблемы анархистской организации. «Справедливые», которым Буэнавентура объяснил необходимость иметь в наличии пистолеты, взялись за эту задачу. Некоторые из них выехали в Бильбао, чтобы достать там оружие.

Буэнавентура и Грегорио, хорошо знавшие баскских активистов, попросили помощи для исполнения этого непростого задания у Сабараина, который всегда занимался вопросами такого склада. Тот поначалу пессимистически отнёсся к миссии и сказал: «С той поры как Регераль правит в Бильбао, можно с уверенностью сказать, что НКТ не вышла из подполья». И добавил: «Профсоюзные фонды сведены на нет, все деньги идут на помощь родственникам арестованных или на судебные процессы. Даже и не думайте о такого рода поддержке»¹¹⁰. Однако, чтобы достать деньги или оружие, кое-что было предпринято товарищами из организации. Итоги были плачевными: достали совсем мало денег и несколько короткоствольных пистолетов, и всё это благодаря самоотверженной солидарности некоторых товарищей из Бильбао, отдавших свои пистолеты «в моменты, когда любое оружие было лучшим свидетельством о личности». Грегорио воспрянув духом и, решив, что «отчаянные времена требуют отчаянных мер», предложил организовать нападение на банки, так как само государство отбирало деньги у рабочих. Торрес Эскартин и Буэнавентура, как всегда, согласились, но с беспокойством заявили о своём недостаточном опыте в таких операциях. Если у них и были столкновения с полицией и «пистолерос» и они также совершали покушения с применением динамита, то никогда не пользовались пистолетом для нападения на банк. Тем не менее, взяв на себя ответственность, Грегорио и Буэнавентура разработали план атаки на Banco de Bilbao. Буэнавентура убедил своего товарища, что им будет трудно провести операцию из-за недостаточного количества средств. Сабараин вывел их из тупика и объяснил, что это не просто кража, а реальный проект. Он заключался в том, чтобы ограбить кассира одного из металлургических центров Эйбара, который, повидимому, перевозил значительную сумму денег. От банка до завода, этот кассир ехал один, только с водителем. Нападение должно было совершиться на открытом шоссе Бильбао — Эйбар. В назначенный день заговорщики инсценировали аварию на дороге. Связали шофёра и водителя в их же машине, а сами

скрылись с крупной добычей.

На следующий день, местная пресса информировала о ловкой краже 300 тысяч песет. Полиция, со своей стороны, подозревала в совершённом преступлении банду каталанских воров. «Справедливые» спрятались в одном из домов квартала «семи улиц». А в то же самое время Сабараин проводил закупку ста пистолетов типа «Стар» (эта модель в те времена называлась «синдикалистским пистолетом»). Остаток денег разделили на две части: одна — для нужд в Бильбао, а другую Хульяна увезла в Сарагосу. Спустя несколько дней, трое друзей выехали в Логроньо¹¹¹.

Версия #2

Зверобой создал 12 июля 2025 22:56:31

Зверобой обновил 5 августа 2025 12:36:24